

18+

Виктор Харебов
Сергей Харебов

— — — — —
✝
ПОСЛЕДНИЙ
КОРАБЛЬ
ТАМПЛИЕРОВ

**Виктор Харебов
Сергей Харебов
Последний корабль
тамплиеров. Первая
книга цикла «Завещание
Великого Магистра»**

<https://litres.ru/74591083>

ISBN 9785007144612

Аннотация

Осень 1307 года. Накануне разгрома ордена Великий Магистр приказывает вывезти из Франции казну и секретный архив. Капитан Этьен Велар и корабль «Северный ветер» берут курс на Геную. Среди пассажиров — рыцарь Гийом де Монтерран и юная Изабель де Вальмон. Погоня, предательство на борту, смертельная схватка в горах. Гийом погибает, защищая архив. Изабель остается в аббатстве, чтобы хранить тайну. Легенда о последнем корабле тамплиеров продолжает жить.

Содержание

Предисловие	5
Пролог. Ночь перед бурей	7
Глава 1. Наемный капитан	14
ГЛАВА 2. Пассажиры и груз	26
ГЛАВА 3. Море и тайны	43
ГЛАВА 4. Парус на горизонте	57
ГЛАВА 5. Погоня	71
Конец ознакомительного фрагмента.	74

**Последний корабль
тамплиеров
Первая книга
цикла «Завещание
Великого Магистра»**

**Виктор Харебов
Сергей Харебов**

© Виктор Харебов, 2026

© Сергей Харебов, 2026

ISBN 978-5-0071-4461-2 (т. 1)

ISBN 978-5-0071-4462-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Осенью 1307 года во Франции произошло событие, изменившее судьбы тысяч людей и породившее одну из самых загадочных легенд европейской истории. Орден Бедных рыцарей Храма Соломона, более известный как орден тамплиеров, был обвинен в ереси, заговоре и тайных обрядах. По приказу короля Франции Филиппа IV Красивого почти все тамплиеры страны были арестованы в один день — в пятницу, 13 октября.

Многие историки считают, что обвинения стали лишь удобным предлогом. Орден был слишком богат, слишком независим и слишком влиятелен. Тамплиеры владели землями, замками, портами, кораблями, а главное — деньгами. Фактически они создали одну из первых банковских систем Европы: купец мог внести деньги в Париже и получить их в Акре или Генуе по письму ордена. Короли брали у них займы, а папы римские доверяли им сокровища и важнейшие документы.

Когда начались аресты, сокровища ордена во Франции исчезли.

Хроники упоминают, что за несколько дней до арестов из Парижа выехали повозки с сундуками, а из порта Ла-Рошель вышло несколько кораблей ордена. Все происходило быстро и почти тайно, словно кто-то заранее узнал о грядущем ударе

и успел подготовиться.

Куда направились эти повозки и корабли — неизвестно.

Одни утверждают, что сокровища увезли в Шотландию. Другие — в Португалию. Третьи считают, что корабли ушли в Средиземное море. А некоторые уверены: сокровища тамплиеров до сих пор не найдены.

Но в старых морских хрониках Генуи сохранилась странная запись. В ней говорится, что в 1308 году в Средиземном море видели быстрый корабль без флага, который избегал портов, не торговал и уходил от преследования людей короля. Он появлялся внезапно и исчезал столь же бесследно, словно сам выбирал, когда его можно увидеть.

Моряки называли его «Корабль без ордена и без короля».

Никто не знал, кому он принадлежит. Никто не знал, что он везет. И никто не мог его остановить.

Говорили, что именно на этом корабле тамплиеры вывезли свой архив с документами — возможно, последнюю часть того, что удалось спасти.

Если эта запись правдива, значит, хотя бы часть архива ордена не была захвачена.

И значит, где-то в мире еще оставались люди, готовые рисковать всем ради того, чтобы сохранить то, что осталось от ордена.

Именно с этой истории начинается наша повесть.

Пролог. Ночь перед бурей

Осень 1307 года в Париже выдалась холодной и сырой. Дожди шли почти каждый день, улицы утопали в грязи, а низкое серое небо нависало над городом так тяжело, словно над ним собиралась буря, которую еще никто не видел, но многие уже чувствовали.

В крепости Тампль, где располагалась резиденция ордена, в ту ночь горело необычно много свечей.

В большом зале собрались люди, от решений которых зависела судьба всего ордена Храма.

Это был высший совет.

За длинным столом сидели рыцари в темных плащах с красными крестами. Некоторые из них были уже пожилыми людьми, пережившими крестовые походы, осады и долгие морские переходы; другие были моложе, но лица их выглядели не менее суровыми и усталыми. Они говорили негромко, однако в зале стояла тяжелая тишина, потому что каждый понимал: речь идет не о землях и не о деньгах — речь идет о будущем ордена.

Великий магистр медленно поднялся со своего места и обвел взглядом собравшихся.

— Братья, — произнес он негромко, но твердо, — мы собрались сегодня не для обычного совета. Я скажу прямо: король Франции готовится нанести удар по ордену.

В зале воцарилась мертвая тишина.

Несколько рыцарей переглянулись, но никто не выразил удивления. Эти слухи ходили уже давно.

Один из старших братьев, седой и широкоплечий рыцарь с тяжелым шрамом через щеку, подался вперед.

— Мы слышали об этом, магистр, — сказал он. — Но король не посмеет открыто выступить против ордена. За нами стоит папа и половина Европы.

Великий магистр медленно покачал головой.

— Король Филипп не тот человек, который отступает, — ответил он. — Он должен ордену огромные деньги. И пока орден существует, он остается должником. Если ордена не станет — исчезнет и долг.

По залу пробежал тяжелый шепот.

Другой рыцарь, молодой, с острыми чертами лица, мрачно усмехнулся.

— Значит, он хочет уничтожить не орден... а свои долги.

— Именно, — коротко ответил магистр. — И ради этого он готов обвинить нас в ереси, колдовстве и любых преступлениях, которые только сможет придумать.

Тишина вновь нависла над залом.

Каждый присутствующий понимал: обвинение в ереси — это не суд. Это смертный приговор.

Один из рыцарей медленно поднялся.

— Если удар будет нанесен, — сказал он, — то внезапно. Король арестует всех одновременно.

— Да, — подтвердил магистр. — Именно поэтому мы должны подготовиться заранее.

Он сделал короткую паузу, давая каждому осмыслить сказанное.

— Орден может потерять замки, земли и дома, — продолжил он. — Но орден не должен потерять свою казну и свои архивы. Пока у ордена есть деньги и документы — орден жив, даже если его рыцари рассеяны по миру.

Один из членов совета наклонился вперед.

— Вы предлагаете вывезти казну из Франции?

— Да, — ответил магистр. — И не только казну. Архив ордена также должен исчезнуть. В нем записано слишком многое из того, что король не должен увидеть.

Другой рыцарь нахмурился.

— Куда вывезти?

Магистр некоторое время молчал, затем ответил:

— Казну отправят морем. У ордена еще есть корабли, не находящиеся под контролем короля. Ее вывезут в безопасное место за пределами Франции. Я уже выбрал человека, который будет отвечать за это.

— Брат Арно, я не знаю, сколько времени нам осталось. Однако слишком многое из того, что происходило в последние месяцы, говорит мне, что нам следует спешить. Вы много лет ведали казной Ордена и лучше других знаете, где находятся наши деньги и наиболее ценные вещи. Я поручаю вам подготовить их тайный вывоз из Франции, не привлекая

внимания людей короля.

Сидевший напротив него высокий седовласый тамплиер медленно склонил голову. Арно де Вилье принадлежал к числу немногих людей, которым Великий магистр доверял безоговорочно. Их связывала давняя дружба, и за долгие годы Арно научился понимать де Моле даже тогда, когда тот намеренно не договаривал самого важного.

— Я понял вас, магистр. Когда мы должны выступить?

— Не сегодня и не завтра, — ответил де Моле. — Слишком поспешные приготовления привлекут внимание людей короля и породят подозрения, которых нам сейчас следует избегать. Сначала подберите надежных людей и подготовьте лошадей. Определите места, где они смогут останавливаться на ночлег, но сделайте все так, чтобы никто из участников не знал всего маршрута. Каждый должен знать только ту часть пути, за которую отвечает. Полный маршрут и день отправления я сообщу вам отдельно.

Он перевел взгляд на остальных членов совета.

— Теперь о документах. Архив ордена нельзя просто спрятать в сундуках. Его нужно укрыть так, чтобы никто не смог найти его, кроме тех, кому мы доверим эту тайну.

Один из рыцарей задумчиво проговорил:

— Документы можно спрятать в монастыре. Никто не станет искать архив рыцарского ордена в монастырской библиотеке.

Магистр одобрительно кивнул.

— Именно так. Несколько лет назад я договорился с настоятелем одного горного аббатства в Италии. Это маленький монастырь среди гор, вдали от больших дорог и городов. Там есть старые подземные хранилища, о которых знают только настоятель и двое монахов.

Рыцари переглянулись.

Становилось ясно: магистр готовился к этому дню уже давно.

— Документы нужно отправить туда вместе с человеком, способным хранить тайну всю жизнь, — продолжил он. — И этот человек должен исчезнуть из мира, чтобы его невозможно было найти.

Один из рыцарей нахмурился.

— Вы хотите, чтобы этот человек стал монахом?

— Да, — ответил магистр. — Вернее... монахиней.

По залу прокатился удивленный шум.

Магистр поднял руку, требуя тишины.

— У одного из наших братьев есть племянница. Ее родители умерли, и она воспитывалась при замке. Она образованна, умеет читать и писать, знает латынь и французский. Она станет монахиней в том аббатстве и будет хранительницей тайны архива.

Некоторое время рыцари молчали, переваривая услышанное.

Наконец один из них спросил:

— А кто будет сопровождать ее?

Магистр повернулся к молодому рыцарю, сидевшему почти в конце стола.

— Брат Гийом, — произнес он. — Вам я доверю другое, возможно, более тяжелое поручение. Деньги можно потерять и однажды вернуть, но бумаги, которые хранят память Ордена, восстановить невозможно. Реестры, долговые обязательства, счета, переписка наших домов и те документы, существование которых известно лишь нескольким людям в этой комнате, должны исчезнуть прежде, чем люди короля войдут в Тампль. Вы молоды, но умеете держать слово и не задаете лишних вопросов. Вы будете сопровождать девушку и архив. Сначала вы отправитесь в Марсель, затем на корабле в Геную, а оттуда — в горное аббатство. Там вы передадите документы настоятелю и убедитесь, что тайник надежно закрыт.

Молодой рыцарь немедленно поднялся.

— Я исполню приказ, магистр.

— После этого вы исчезнете, — сказал магистр. — Никто не должен знать, куда вы отправились и где находится архив.

— Я понимаю, — спокойно ответил Гийом.

Тогда один из старших рыцарей тихо произнес:

— Значит... мы готовимся к тому, что орден может исчезнуть?

Великий магистр долго смотрел на собравшихся, а затем ответил медленно и твердо:

— Орден — это не замки и не земли. Орден — это люди

и память. Если память ордена сохранится, его можно будет возродить даже через сто лет. Но если память исчезнет — орден умрет навсегда.

Он сделал паузу.

— Поэтому мы должны сделать все, чтобы казна и архив исчезли раньше, чем король придет за нами.

В зале снова стало тихо.

Каждый понимал: возможно, они видят друг друга в последний раз.

Наконец магистр сказал:

— Запомните этот вечер. Быть может, через много лет люди будут говорить, что именно в эту ночь орден исчез из Франции... но не исчез из истории.

Свечи догорали, и за окнами начинался дождь.

Никто из них еще не знал, что через несколько дней, в пятницу, тринадцатого октября, по всей Франции одновременно начнутся аресты тамплиеров и многие из сидящих за этим столом закончат жизнь в тюрьмах или на костре.

Но именно в ту ночь было принято решение, которое изменит судьбу ордена, судьбы многих людей и положит начало истории, о которой позже будут рассказывать моряки, монахи, купцы и солдаты.

Истории о последнем корабле тамплиеров.

Глава 1. Наемный капитан

Вечером порт Марселя медленно погружался в теплую южную темноту. Солнце уже скрылось за холмами, но небо еще долго сохраняло багровое сияние, отражавшееся в воде и окрашивавшее мачты кораблей в медные и золотые оттенки. Воздух был густым от запаха соли, смолы, пряностей и жареной рыбы — тем особенным портовым духом, который ни с чем не спутаешь и который навсегда остается в памяти тех, кто провел на море больше лет, чем на суше.

В гавани стояло множество судов: торговые корабли из Генуи, Барселоны и Неаполя, рыбацкие лодки, тяжелые галеры и несколько северных коггов, пришедших с шерстью и лесом. Скрипели снасти, гремели цепи, матросы перекликались на разных языках — французском, итальянском, каталонском, арабском — и весь порт жил той беспокойной жизнью, которая никогда не замирает там, где есть море. Грузчики таскали тюки и бочки, торговцы выкрикивали цены, женщины в ярких платьях продавали цветы и фрукты, а у причалов сновали лодки, развозившие людей и товары с больших кораблей на берег и обратно.

Недалеко от причала, в узкой улочке, где дома нависали над мостовой так, что почти касались друг друга крышами, стояла таверна «Старый якорь». Это было место, где собирались моряки, капитаны и купцы — те, кто знал цену ветру и

волне, кто понимал, что море не прощает ошибок и не терпит слабых. Внутри было шумно, пахло вином, жареной рыбой и дымом, а разговоры велись сразу на нескольких языках. Стены таверны были закопчены от очага и украшены старыми картами, компасами и моделями кораблей, которые когда-то принесли сюда капитаны в благодарность за удачные рейсы или в память о тех, кто не вернулся из моря.

У дальней стены, откуда хорошо просматривался вход, сидел капитан Этьен Велар и медленно пил вино, слушая окружающий гул голосов. Это была его давняя привычка: в порту всегда можно узнать больше, чем в кабинетах чиновников или у богатых купцов. Моряки болтали о ветрах и течениях, о пиратах и штормах, о ценах на товары в разных портах — и из этих разговоров опытный капитан мог составить картину мира не хуже, чем из донесений шпионов.

Этьену было около сорока лет, но море и солнце сделали его лицо старше — оно было загорелым, обветренным, с глубокими морщинами вокруг глаз и твердой линией рта. Волосы, когда-то темные, теперь были тронуты сединой на висках, а в глазах, серых и внимательных, читалась та спокойная уверенность, которая приходит только к тем, кто много раз смотрел смерти в лицо и каждый раз уходил от нее. Он носил простую одежду — темный камзол, кожаные штаны, высокие сапоги — и лишь тяжелый серебряный перстень на пальце да хороший меч у пояса говорили о том, что этот человек не так прост, как кажется.

К его столу подсел боцман Жак Морен — старый моряк с седыми волосами и руками, покрытыми шрамами. Жак служил на кораблях Велара больше пятнадцати лет, пережил с ним шторма, abordаж и долгие месяцы в открытом море, когда берег не виден неделями. Он был человеком немногословным, но знающим цену каждому слову, и капитан ценил его не только за опыт, но и за верность, которая в море стоит дороже золота.

Жак налил себе вина, некоторое время молчал, затем проговорил:

— Я нашел еще двух матросов, которые ищут работу. Думаю, оба подойдут для долгого плавания.

Капитан отставил кубок.

— Что за люди?

Жак пожал плечами.

— Один раньше ходил на галерах и привык к тяжелой работе. Второй — рыбак, умеет работать в плохую погоду.

Капитан кивнул.

— Рыбак на корабле иногда полезнее солдата. Солдат умеет драться, а рыбак умеет жить в море. В долгом плавании это важнее любой драки.

Жак усмехнулся, почесав седую щетину.

— Галерный тоже умеет жить. Иначе его бы давно не стало. Похоже, в нашей команде скоро будет больше людей с тяжелым прошлым, чем с легкой судьбой.

— Это нормальная команда для долгого рейса, — спокой-

но ответил капитан.

Он сделал глоток вина и посмотрел на Жака.

— Ты слышал новости из Парижа?

Жак нахмурился.

— Говорят, король арестовал всех тамплиеров. Всех, до единого. В один день.

— В пятницу, тринадцатого октября, — кивнул капитан.

— Говорят, их обвиняют в ереси и колдовстве. Но я слышал другое — король должен им огромные деньги. Очень огромные. И теперь, когда их нет, долгов тоже нет.

Жак тихо буркнул себе под нос..

— Грязное дело. Тамплиеры были богаты, как сами короли. У них были замки, корабли, земли по всей Европе. А теперь — что? Костры, тюрьмы, пытки?

— Именно так, — капитан обвел взглядом таверну. — И знаешь, что самое интересное? Никто не знает, куда делось их богатство. Говорят, за несколько дней до арестов из Парижа вывезли повозки с сундуками, а из Ла-Рошли ушли корабли. Куда — никто не знает.

Жак прищурился.

— Значит, кто-то успел спрятать сокровища.

— Или документы, — ответил капитан. — А документы иногда опаснее золота. Особенно если в них записано, кто кому должен и кто кому что обещал.

Они помолчали, слушая гул таверны. Потом Жак отпил вина и спросил:

— Будет новый рейс? Корабль не может долго стоять без дела.

Велар немного подумал, затем ответил:

— Работа всегда находится для тех, кто умеет ходить по морю. Я почти уверен: скоро появится человек, которому понадобится быстрый корабль и люди, умеющие молчать.

Жак прищурился.

— Обычно такие рейсы заканчиваются либо большим заработком, либо большими неприятностями. А иногда — и тем и другим сразу.

Капитан усмехнулся.

— Спокойные рейсы я не люблю. За спокойствие платят мало, за риск — много.

Он посмотрел на свой корабль, стоявший у причала. «Северный ветер» — быстрый, легкий парусник, построенный в Генуе десять лет назад. У него были три мачты, острые обводы корпуса и паруса, которые позволяли ему идти даже при слабом ветре. Капитан купил его после удачного рейса в Александрию и с тех пор не раз уходил на нем от пиратов и королевских кораблей. «Северный ветер» был не самым большим судном в порту, но одним из самых быстрых — и это ценилось дороже, чем размер.

Они еще разговаривали, когда дверь таверны распахнулась, и внутрь вошел высокий человек в темном плаще.

Он остановился у входа, внимательно оглядел зал, словно кого-то выискивая, а затем направился прямо к столу капи-

тана. Двигался он уверенно, но без спешки — так ходят люди, привыкшие держать себя в руках даже в самые трудные моменты. Плащ был дорогим, но пыльным, сапоги — добротными, но изношенными. Под плащом угадывалась кольчуга, а на поясе висел меч с простой, но надежной рукоятью.

Подойдя ближе, он вежливо спросил:

— Не капитан ли Этьен Велар сидит передо мной?

Голос у незнакомца был низким, спокойным, с легким северным акцентом — человек, выросший где-то в Нормандии или Пикардии.

Капитан поднял взгляд и спокойно ответил:

— Все зависит от того, кто спрашивает и зачем. Иногда я капитан, а иногда просто человек, который пьет вино в таверне.

Незнакомец едва заметно кивнул.

— Мне нужен корабль и капитан, который умеет уходить от погони и не задает лишних вопросов.

Велар молча указал рукой на свободный стул.

— Садитесь, — сказал он. — Такие разговоры лучше вести спокойно и без лишних ушей. Выпейте вина.

Незнакомец сел, однако к кубку не притронулся.

Было видно: он пришел сюда вовсе не для отдыха. На лице его, когда он слегка наклонился вперед и свет от очага упал на него, читалась усталость, но не та усталость, что приходит после долгой дороги, а та, что копится годами — усталость человека, который слишком долго нес слишком тяже-

лый груз. Лицо было худым, с высоким лбом и твердым подбородком, глаза — серыми, внимательными, с тем холодным блеском, который бывает у людей, переживших слишком много потерь.

Наклонившись немного вперед, он тихо произнес:

— Мне нужно перевезти груз из Франции в один из портов Средиземного моря. Возможно, за этим грузом будут охотиться.

Капитан даже не изменился в лице.

— Погоня увеличивает цену рейса, — ответил он, — но не делает его невозможным. Я уже не раз уходил от тех, кто хотел догнать мой корабль.

Незнакомец на мгновение замолчал, затем добавил:

— За грузом могут отправить королевские корабли.

Капитан внимательно посмотрел на него.

— Короли не гоняются за обычными товарами, — медленно сказал он. — Если за грузом пошлют корабли, значит, дело серьезное... и опасное.

Незнакомец медленно снял капюшон.

— Груз — это не золото и не драгоценности. Это архив ордена тамплиеров. Документы, письма, печати, счета, карты и переписка с королями и папами.

Жак мельком окинул незнакомца оценивающим взглядом.

— Теперь понятно, почему за этим грузом могут послать корабли, — пробормотал он. — Иногда бумаги опаснее ме-

чей.

Капитан некоторое время молчал, затем проговорил:

— Такой груз действительно стоит дорого. Он опаснее золота... а иногда и ценнее.

Незнакомец кивнул.

— Мы готовы заплатить. У нас нет другого выхода. Если эти документы попадут в руки короля Франции, многие люди потеряют не только деньги, но и власть... а возможно, и жизнь.

Капитан поставил кубок на стол.

— Сколько людей будет на борту?

— Несколько рыцарей, двое слуг и девушка-лекарь, — ответил незнакомец.

Велар чуть приподнял бровь.

— На корабле всегда найдется место для лекаря. Но редко берут лекаря добровольно, если не ждут опасностей.

— Опасностей мы как раз и ждем, — спокойно ответил незнакомец. — Без лекаря в таком путешествии нельзя.

Они долго обсуждали условия рейса, маршрут и оплату. Капитан задавал короткие, точные вопросы: сколько весит груз, насколько он срочен, какие порты можно посещать, а какие — нет, что делать в случае погони. Незнакомец отвечал четко, не уклоняясь от ответов, но и не говоря лишнего. В конце концов они сошлись на цене — она была высокой, но не запредельной, и это говорило о том, что у нанимателя есть деньги, но не безграничные.

Наконец капитан произнес:

— Я не спрашиваю у людей, почему они бегут и что сделали раньше. Море принимает всех одинаково. Но я должен знать одно: не начнется ли на моем корабле война между пассажирами?

— Все, кто поднимется на корабль, подчиняются мне, — ответил незнакомец. — Проблем не будет. У нас только одна цель — добраться до места назначения.

Когда разговор уже подходил к концу, незнакомец сказал: — Мое имя Гийом де Монтерран. Я был рыцарем ордена Храма... пока орден не был разгромлен.

Капитан медленно кивнул.

— Я слышал много историй о тамплиерах. Вы были не только рыцарями, но и банкирами, и дипломатами. Многие короли должны вам деньги.

Гийом усмехнулся.

— Именно поэтому орден и уничтожили. Короли не любят тех, кому они должны.

Капитан внимательно посмотрел на него.

— А если я откажусь?

— Тогда мы найдем другого капитана.

— А если я сообщу о вас королевской страже?

Рыцарь спокойно выдержал его взгляд.

— Тогда вы получите награду. Но через несколько лет люди будут говорить, что капитан Велар продал рыцарей, доверившихся ему.

Капитан рассмеялся негромко.

— Вы хорошо умеете убеждать.

Он наклонился вперед.

— Когда выходим в море?

— Через три дня.

— Куда идем?

— Сначала в Геную. Потом дальше. Остальной маршрут я сообщу позже.

Капитан протянул руку.

— Тогда договорились.

Тамплиер крепко пожал ее.

— Вы не пожалеете, капитан.

Велар усмехнулся.

— Все так говорят... пока за нами не начинается погоня.

Гийом поднялся, кивнул и вышел из таверны так же тихо, как вошел. Дверь за ним закрылась, и шум таверны снова поглотил его.

Жак посмотрел на капитана.

— Ну что, беремся?

Капитан допил вино и поставил кубок на стол.

— А куда нам деваться? Корабль стоит, команда ждет, деньги нужны. Да и интересно стало — что за архив такой, что за ним королевские корабли пошлют?

Жак покачал головой.

— Любопытство — плохой советчик. Особенно когда речь идет о тамплиерах и королях.

— Может быть, — согласился капитан. — Но скучно мне без любопытства.

Они расплатились и вышли из таверны. Ночь была теплой, над портом горели звезды, и где-то вдалеке пел матрос, настраивая лютню перед завтрашним рейсом.

В ту ночь капитан долго не спал.

Он стоял на палубе своего корабля и смотрел на черную морскую гладь, над которой мерцали редкие огни гавани. Ветер шелестел в парусах, канаты тихо поскрипывали, и корабль казался живым существом, которое дышит вместе с морем.

Этьен думал о том, что он только что сделал. Он взял на борт груз, за которым будут охотиться королевские корабли. Он повезет людей, которых король считает преступниками. Он рискует не только кораблем, но и жизнью — своей и своих людей.

Но он также знал, что отступать поздно. Да и не в его характере было отступать. Море научило его одному простому правилу: если ты взялся за дело, доводи его до конца. Иначе море тебя не простит.

Он смотрел на звезды, отражавшиеся в темной воде, на спящий город, чьи огни постепенно гасли один за другим, и понимал, что ввязывается в опасную историю. Но еще не знал, что этот рейс изменит всю его жизнь, что груз, который он повезет, стоит дороже золота — гораздо дороже, ведь иногда самая опасная вещь в мире это не сокровища, а тай-

ны, которыми владеют люди. А тайны тамплиеров были самыми опасными из всех, что когда-либо хранило море.

ГЛАВА 2. Пассажиры и груз

Утро в порту Марселя началось задолго до восхода солнца, когда над морем лишь проступила бледная полоска света, окрашивающая горизонт в нежные оттенки розового и золотого, и на причале уже слышались голоса матросов, стук бочек и скрип блоков, потому что порт никогда не спал по-настоящему, а лишь замирал на несколько часов, чтобы с первыми лучами солнца снова закипеть жизнью. Воздух был прохладным и влажным, напоенным запахом соли, смолы и рыбы, и в этом утреннем полумраке фигуры грузчиков казались тенями, снующими между кораблями, словно призраки ночи, не желающие уступать место дню.

Капитан Этьен Велар пришел на корабль рано, как делал это каждое утро на протяжении многих лет, потому что любил лично следить за тем, как судно готовят к выходу в море, и не доверял эту работу никому другому, даже Жаку, хотя тот был опытным боцманом и знал свое дело не хуже любого капитана. Пройдя вдоль борта «Северного ветра», он осмотрел якорную цепь, потрогал канаты, проверил, насколько надежно закреплены паруса, и только после этого поднялся на палубу, где Жак Морен уже командовал матросами, следя за тем, чтобы каждый знал свое место и делал свою работу без лишних вопросов.

Заметив капитана, боцман подошел к нему, вытирая руки

о куртку, и кивнул в сторону трюма, где матросы укладывали последние бочки с провизией.

— Провизии взяли больше, чем обычно, — сказал он, понизив голос, словно боялся, что кто-то услышит его слова. — Если не попадем в шторм и не будем слишком долго уходить от кого-нибудь, запасов хватит больше чем на месяц.

Капитан скользнул взглядом по бочкам с водой и мешкам с сухарями, которые матросы осторожно спускали в трюм, и кивнул, потому что знал: в море лучше иметь больше, чем нужно, чем меньше, чем требуется.

— В море всегда нужно рассчитывать на худшее, — спокойно ответил он, — потому что море не прощает беспечности и наказывает тех, кто надеется на удачу больше, чем на собственный опыт. Лучше привезти лишние бочки обратно, чем считать сухари посреди моря, когда берег еще далеко, а вода в бочках заканчивается.

Жак усмехнулся и понизил голос еще больше, оглянувшись, чтобы убедиться, что матросы не слышат их разговора.

— Команда уже понимает, что рейс будет не обычный, — сказал он. — Так много провизии берут только тогда, когда не хотят заходить в порты и не хотят, чтобы их видели, потому что каждый моряк знает: если корабль идет в порт, значит, ему нужна вода и еда, а если берет с собой больше обычного, значит, собирается прятаться от чужих глаз.

Капитан тоже позволил себе легкую усмешку, потому что ценил в своих людях не только умение работать, но и уме-

ние думать, хотя и не любил, когда матросы думали слишком много.

— Умная команда — это хорошо, — сказал он, — но слишком умная команда иногда опаснее глупой, потому что умный человек начинает задавать вопросы, а моряку платят за работу, а не за размышления о делах капитана.

Жак кивнул, соглашаясь с этим простым, но верным правилом, которое капитан повторял каждому новому матросу в первый же день на борту.

— Моряки и не думают, — ответил он. — Они просто чувствуют, когда пахнет неприятностями, как собаки чувствуют грозу, а сейчас пахнет именно ими, хотя неприятности еще даже не показались на горизонте.

В этот момент к причалу подкатила первая повозка с сундуками, запряженная двумя сильными лошадьми, которые фыркали и мотали головами, словно чувствуя тяжесть груза. Лошади остановились у самого трапа, и люди в темных плащах начали осторожно выгружать тяжелые деревянные сундуки, окованные железом, причем каждый сундук несли четверо мужчин, и по тому, как напрягались их плечи и как скрипели доски под их ногами, было ясно, что внутри лежит нечто весьма тяжелое, гораздо тяжелее обычного товара.

Капитан некоторое время молча наблюдал за погрузкой, считая сундуки и отмечая про себя, что их больше, чем он ожидал, а затем подошел к Гийому, который стоял неподалеку, следя за тем, чтобы грузчики обращались с сундуками

осторожно и не повредили их.

— За свою жизнь я перевез немало грузов, — сказал он, кивая на сундуки, которые матросы осторожно спускали в трюм. — Но редко видел, чтобы книги весили столько, сколько весят эти, и если это действительно бумаги, то в них, должно быть, записаны очень тяжелые тайны, потому что пергамент и чернила не весят так много, как золото или железо.

Гийом спокойно встретил его взгляд, и в его глазах читалась та усталая серьезность, которая бывает у людей, слишком долго несших слишком тяжелый груз и знающих, что этот груз невозможно облегчить, можно только нести дальше.

— В этих сундуках действительно лежат тайны, — ответил он, — долги королей, обещания пап, тайные договоры и письма, которые многие люди предпочли бы никогда больше не видеть, потому что одно упоминание о них может стоить жизни тем, кто их писал, и тем, кому они адресованы. Иногда несколько листов бумаги стоят дороже сундука золота, потому что золото можно потратить, а бумага может уничтожить королевство.

Капитан задумчиво посмотрел на сундуки, которые матросы один за другим спускали в трюм, и понял, что этот рейс будет не таким, как все предыдущие, потому что он везет не товар, который можно продать, и не сокровища, которые можно спрятать, а нечто гораздо более ценное и гораздо бо-

лее опасное.

— Тогда выходит, впервые в жизни я везу не товар и не сокровища, а власть, — сказал он, — потому что настоящая власть всегда написана на бумаге, а не лежит в сундуках с золотом, и тот, кто владеет бумагами, владеет и теми, чьи имена на них написаны.

На лице Гийома появилась легкая улыбка, в которой было и одобрение, и легкая грусть, словно он удивлялся, что простой капитан понимает то, что многие короли и папы не понимали до самой своей гибели.

— Вы понимаете больше, чем кажется, капитан, — сказал он, — и именно поэтому мы и выбрали ваш корабль, потому что нам нужен человек, который не только умеет ходить по морю, но и понимает, что именно он везет, и знает, почему это важно.

Велар хмыкнул, потому что не любил, когда его хвалили, особенно за то, что он считал своей простой обязанностью.

— Вы выбрали мой корабль потому, что он быстрый, — сказал он, — а меня — потому, что я умею молчать, и это все, что вам нужно знать обо мне, потому что остальное не имеет значения, пока мы в море.

— Иногда молчание ценится дороже верности, — заметил тамплиер, — потому что верный человек может сказать лишнее, а молчаливый никогда не предаст, даже если его будут пытаться.

— А иногда дороже жизни, — спокойно ответил капитан,

— потому что тот, кто знает слишком много, редко живет долго, если не умеет держать язык за зубами.

Пока продолжалась погрузка и матросы один за другим спускали сундуки в трюм, к пристани подъехала еще одна повозка, на этот раз крытая, и вместе с ней прибыли остальные пассажиры — несколько рыцарей в темных плащах, двое слуг, несших дорожные сумки, и девушка, которую Гийом назвал лекарем. Тамплиеры поднимались на корабль молча, но внимательно осматривали все вокруг: мачты, снасти, палубу, команду, словно уже прикидывали, сумеет ли это судно уйти от погони, и достаточно ли оно быстро, чтобы обогнать королевские галеры.

Один из рыцарей, высокий мужчина с седыми волосами и шрамом на щеке, остановился у борта и посмотрел на море, оценивая, насколько хорошо корабль слушается ветра, а затем повернулся к Гийому.

— Корабль выглядит быстрым, — сказал он, — но не очень большим, и если за нами пойдут галеры, нам останется надеяться лишь на ветер, потому что в абордажном бою мы не сможем противостоять целому флоту.

Капитан, услышав это, подошел ближе, потому что не любил, когда его корабль критиковали, даже если критика была справедливой.

— Галера хороша, когда нет ветра, — заметил он, — но стоит ветру подняться, и галера превращается в тяжелую лодку, которую гребцы не могут тянуть достаточно быстро,

а парусный корабль становится птицей, которая летит над волнами, и я еще не видел галеры, которая догнала бы хороший корабль при хорошем ветре, потому что паруса всегда сильнее весел, если ветер на твоей стороне.

Рыцарь внимательно посмотрел на него, оценивая, насколько уверенно говорит этот человек, и увидел в его глазах ту спокойную уверенность, которая бывает только у тех, кто много раз проверял свои слова на практике.

— Надеюсь, вы правы, капитан, — сказал он, — потому что мне не хотелось бы проверять это слишком рано, когда мы еще не знаем, насколько хорошо ваш корабль слушается руля.

— В море все проверяется рано или поздно, — ответил Белар, — и лучше быть готовым заранее, чем удивляться, когда ветер переменится или на горизонте появятся чужие паруса.

Когда на борт поднялась Изабель, она на мгновение замерла у мачты, глядя на море, которое простиралось перед ней бесконечной синей гладью, и в ее глазах читалось и восхищение, и легкий страх, потому что она никогда раньше не видела моря таким близким и таким огромным. Она была молода, лет двадцати пяти, с темными волосами, собранными в простой узел, и лицом, на котором еще не было тех морщин, которые появляются у женщин, слишком долго живших в мире, полном опасностей, но в ее глазах уже читалась та серьезность, которая бывает у людей, переживших боль-

ше, чем должно было выпасть на их долю. Ее платье было простым, но добротным, а в руках у нее была небольшая сумка с лекарскими принадлежностями, и капитан сразу понял, что эта девушка не просто лекарь, но и хранительница какой-то тайны, которую ей доверили.

Она подошла к капитану, остановилась в нескольких шагах от него и посмотрела на море, словно пытаясь понять, как люди могут жить на этом беспокойном пространстве, где нет ни деревьев, ни домов, ни твердой земли под ногами.

— Я никогда раньше не плавала так далеко, — призналась она, и в ее голосе слышалось и волнение, и легкое недоумение. — Не понимаю, как люди могут жить месяцами, не видя земли, потому что мне кажется, что я бы сошла с ума, если бы вокруг меня было только море и небо.

Капитан улыбнулся, потому что помнил, как сам впервые вышел в открытое море и как долго не мог привыкнуть к мысли, что земля осталась позади и что впереди только вода.

— Сначала человеку кажется, что он не сможет жить без земли, — сказал он, — потому что земля — это привычка, это дом, это то, к чему он прирос всей своей жизнью, но потом он понимает, что уже не может жить без моря, потому что море дает ему свободу, которую не может дать ни один город, и море сперва пугает, потом учит, а потом уже не отпускает, потому что тот, кто однажды почувствовал ветер в парусах и волны под килем, никогда не сможет снова жить на суше, как живут все остальные.

Изабель улыбнулась в ответ, и в ее улыбке было и понимание, и легкая грусть, словно она уже знала, что это путешествие изменит ее жизнь, и не факт, что к лучшему.

— Лекарю, наверное, все же лучше жить на земле, — сказала она, — потому что на корабле слишком мало места и слишком много опасностей, а лекарь нужен там, где есть больные и раненые, а не там, где все здоровы и просто плывут из одного порта в другой.

— На корабле лекарь нужнее, чем на земле, — ответил капитан, — потому что на земле раненый может сам добраться до врача или его могут принести соседи, а в море врач должен быть рядом, иначе раненый просто умрет, потому что берег слишком далеко, а кровь не ждет, пока корабль дойдет до порта.

Она посмотрела на него внимательнее, словно пытаясь понять, откуда этот человек знает столько о смерти и о том, как ее избежать.

— Вы говорите так, словно видели много смертей, — сказала она, и в ее голосе слышалось не любопытство, а скорее сочувствие, потому что она понимала, что тот, кто видел много смертей, носит в себе тяжесть, которую невозможно облегчить.

На мгновение капитан замолчал, вспоминая всех тех, кого не смог спасти, всех тех, кто умер на его глазах, от шторма, от ран, от болезней, и всех тех, кого он проводил в последний путь, опустив их тела в воду, потому что на корабле

нет кладбищ, и море становится могилой для тех, кто умер в пути.

— Каждый капитан видел достаточно смертей, чтобы научиться ценить тех, кто умеет спасать жизнь, — наконец сказал он, — потому что на корабле всегда уважают плотника, боцмана и лекаря больше, чем солдата, потому что солдат умеет убивать, а эти трое умеют спасать, и тот, кто спасает жизни, ценится дороже того, кто их отнимает.

К вечеру погрузка почти завершилась, и последние сундуки спустили в трюм, где уже стояли ряды пустых винных бочек, которые матросы заранее подготовили, чтобы скрыть настоящий груз. Капитан, спустившись вниз, остановился у люка и молча наблюдал, как люди Гийома открывают сундуки, делая это осторожно, без лишнего шума, словно боялись, что кто-то услышит звук открываемых крышек. Крышки снимали медленно, и внутри открывались аккуратно сложенные свитки и связки бумаг, перевязанные кожаными ремнями, причем некоторые бумаги были запечатаны воском с оттисками печатей, которые капитан не смог разобрать в полумраке трюма.

— Быстро, — тихо приказал Гийом, и люди работали без слов, потому что понимали, что каждая минута на счету и что чем скорее они спрячут документы, тем скорее смогут выйти в море.

Бумаги вынимали из сундуков и перекладывали в бочки, плотно, слой за слоем, словно укладывали самый обычный

товар, причем между слоями бумаг клали солому, чтобы они не повредились от влаги и чтобы бочка на ощупь казалась заполненной до краев. Сверху бросали немного соломы, затем закрывали крышки и забивали обручи, и со стороны все выглядело так, будто в трюме просто стоят бочки с вином, ничем не отличающиеся от десятков других бочек, которые перевозят на торговых кораблях каждый день.

Капитан провел рукой по одной из них и усмехнулся, потому что оценил хитрость этого плана, который был настолько прост, что мог сработать, если только те, кто будет искать документы, не догадаются проверить содержимое каждой бочки.

— Теперь это уже не груз, а тайник, — сказал он, — и тот, кто будет искать сундуки, пройдет мимо этих бочек, даже не взглянув на них, потому что вино — это обычный товар, который перевозят тысячи кораблей каждый день.

— Вино редко вызывает вопросы, — спокойно ответил Гийом, — а вот сундуки всегда вызывают вопросы, потому что тот, кто везет сундуки, везет либо золото, либо тайны, и то и другое стоит проверить.

Пустые сундуки тем временем подняли обратно на палубу, и капитан посмотрел на них, понимая, что это тоже часть плана, потому что если сундуки останутся на берегу, те, кто будет искать документы, подумают, что груз еще не ушел в море или что его спрятали где-то в городе.

— Их вернут на берег? — спросил он.

— Да, — кивнул Гийом, — пусть думают, что мы еще не закончили погрузку или что груз вовсе не ушел в море, потому что пока они будут искать сундуки в городе, мы уже будем далеко в море, и догнать нас будет непросто.

Капитан задумчиво посмотрел на бочки, стоящие рядами в трюме, и понял, что это не просто хитрость, а целая философия, потому что тот, кто прячет что-то ценное, должен прятать это не там, где никто не ищет, а там, где все видят, но не замечают.

— Если кто-то станет искать бумаги, он будет искать сундуки, — сказал он, — потому что сундуки — это то, в чем обычно возят бумаги, и никто не подумает искать их в бочках с вином.

— Именно, — тихо сказал Гийом, — и поэтому мы возьем не просто тайну, а тайну, спрятанную внутри другой тайны, потому что тот, кто найдет сундуки, подумает, что это все, что у нас было, и не станет искать дальше.

Велар помолчал, затем усмехнулся, потому что оценил красоту этого обмана, который был настолько прост, что мог обмануть даже тех, кто искал очень тщательно.

— Значит, мы возьем не просто тайну, — сказал он, — мы возьем тайну, спрятанную внутри другой тайны, и это самая надежная защита, которую только можно придумать, потому что тот, кто ищет сложное, никогда не подумает, что ответ может быть таким простым.

На губах тамплиера мелькнула едва заметная улыбка, в

которой было и одобрение, и легкая горечь, потому что он знал, что эта простота куплена дорогой ценой и что многие люди уже отдали свои жизни, чтобы эта тайна осталась тайной.

— Иногда только так и можно сохранить правду, — сказал он, — потому что правда слишком хрупка, чтобы выстоять против силы, и ее нужно прятать не за стенами крепостей, а за простотой, которая кажется всем настолько очевидной, что никто не удосуживается ее проверить.

Капитан вновь провел рукой по бочке, чувствуя под ладонью шероховатое дерево и холодное железо обручей, и думал о том, как странно устроен мир, в котором несколько листов бумаги могут быть опаснее меча и ценнее золота.

— Странно думать, — сказал он, — что из-за этих бумаг за нами могут гнаться корабли, стрелять из арбалетов и даже попытаться утопить нас, и если бы я не видел все своими глазами, я бы никогда не поверил, что бумаги могут быть опаснее оружия, потому что меч может убить одного человека, а бумага может убить целое королевство.

Гийом спокойно ответил, и в его голосе слышалась та уверенность, которая бывает только у тех, кто знает цену словам, написанным на пергаменте.

— Оружие убивает людей, капитан, — сказал он, — а бумаги иногда убивают королевства, потому что тот, кто владеет бумагами, владеет и тайнами, а тот, кто владеет тайнами, владеет и теми, чьи тайны он знает.

Велар внимательно посмотрел на него, понимая, что этот человек говорит не метафорами, а простыми фактами, которые он проверил на собственном опыте и которые стоили жизни многим его братьям по ордену.

— Тогда я начинаю понимать, во что ввязался, — сказал он, — и понимаю, что этот рейс будет не таким, как все предыдущие, потому что я везу не товар, который можно потерять и забыть, а нечто такое, что нельзя потерять, потому что потеря этого означает гибель всего, ради чего люди отдавали свои жизни.

Тамплиер покачал головой, и в его глазах читалась та серьезность, которая бывает у людей, знающих, что говорят.

— Нет, капитан, — сказал он, — вы еще не понимаете, потому что понимание приходит только тогда, когда ты видишь, как за тобой гонятся корабли и как люди готовы убивать за то, что ты везешь, но вы поймете, когда это случится, и тогда будет уже поздно отступить.

Позднее вечером капитан стоял на палубе и смотрел на порт, где один за другим зажигались огни, отражаясь в темной воде гавани, и думал о том, что завтра утром они выйдут в море и начнется путь, который изменит жизнь каждого, кто поднимется на борт этого корабля. К нему подошел Жак, и некоторое время они молча смотрели на порт, слушая, как шумят волны о борт корабля и как где-то вдалеке поет матрос, прощаясь с берегом перед долгим рейсом.

— Мне не нравится этот груз, — наконец проговорил

Жак, и в его голосе слышалось то беспокойство, которое он редко показывал, потому что привык скрывать свои чувства за маской спокойствия. — Золото хотя бы понятно, его можно потратить, спрятать или украсть, а бумаги приносят только неприятности, потому что из-за них люди начинают войны, убивают друг друга и разрушают королевства, и я не хочу быть частью этой истории, потому что такие истории всегда заканчиваются плохо.

Капитан смотрел на мачты, на корабль, на темное море за кормой, и думал о том, что Жак прав, но что отступить уже поздно, потому что он уже взял на борт этот груз и уже принял решение, которое не может изменить.

— Иногда человек берет на борт не только груз, Жак, — тихо сказал он, — иногда он берет на борт судьбу, и не свою, а тех, кто доверил ему эту судьбу, и тогда он не может отказаться, потому что отказ означает предательство, а предательство в море карается хуже, чем трусость.

Боцман тяжело вздохнул, потому что знал, что капитан прав, и знал, что они уже не могут отступить, даже если бы захотели.

— Обычно такие истории заканчиваются либо очень хорошо, либо очень плохо, — сказал он, — а середины почти не бывает, потому что середина — это для тех, кто не рискует, а мы рискуем всем, что у нас есть.

Капитан усмехнулся, потому что не любил думать о конце, пока не увидел его своими глазами.

— Середина — это скука, — сказал он, — а скука хуже плохого конца, потому что о скучных людях никто не помнит, и они умирают дважды: сначала их забывают, а потом они умирают по-настоящему, и я не хочу умирать дважды, поэтому выбираю интересную историю, даже если она заканчивается плохо.

Жак покачал головой, потому что знал, что капитан не изменит своего решения, и знал, что они оба уже втянулись в эту историю настолько, что отступление невозможно.

— Когда-нибудь ты ввяжешься в такую историю, из которой не выберешься, — сказал он, — и тогда будет поздно жалеть о том, что ты не остался на берегу и не выбрал спокойный рейс, который приносит мало денег, но сохраняет жизнь.

Капитан долго смотрел на море, на темную воду, на огни порта, которые постепенно гасли один за другим, и думал о том, что Жак прав, но что он не может иначе, потому что море научило его не бояться опасностей, а принимать их как часть жизни.

— У меня такое чувство, Жак, — наконец тихо сказал он, — что именно эта история уже началась, и мы уже не можем из нее выйти, потому что мы уже взяли на борт этот груз и уже приняли решение, которое не может быть изменено. А теперь остается только идти до конца, и будь что будет.

Ночью корабль был готов к выходу в море, и матросы последний раз проверили снасти, паруса и якоря, чтобы утром,

с первыми лучами солнца, выйти в море и начать путь, который изменит жизнь каждого, кто поднимется на борт этого корабля. Море оставалось спокойным, словно не желало пугать людей сразу, давая им время привыкнуть к мысли, что дороги назад уже нет и что впереди у них не просто путешествие из одного порта в другой, а путь, после которого многие из них уже никогда не будут прежними. Потому что тот, кто однажды повезет тайну, за которой охотятся королевские корабли, уже не может вернуться к той жизни, которую вел раньше.

ГЛАВА 3. Море и тайны

«Северный ветер» вышел в открытое море ранним утром, когда солнце только начинало подниматься над холмами Прованса, окрашивая воду в бледно-розовые и золотистые оттенки, и уже к полудню берег Франции превратился в тонкую темную линию на горизонте, а затем исчез совсем, растворившись в дымке, словно его никогда и не было. Ветер был ровным, паруса туго натянуты, и корабль шел легко, слегка покачиваясь на волнах, словно сам стремился уйти подальше от берега, от портового шума, от людских глаз и от всего того, что осталось позади. Матросы работали спокойно, без спешки, проверяя снасти и подтягивая шкоты, потому что в первые дни плавания всегда наступает особое состояние, когда люди еще помнят землю под ногами, еще слышат во сне крики торговцев и звон колоколов, но уже начинают жить морем, подчиняясь его ритму, его дыханию и его неписаным законам.

Капитан стоял у руля, глядя вперед, туда, где небо сливалось с водой в одну бесконечную синюю гладь, и думал о том, как странно устроен мир: еще вчера он пил вино в таверне и слушал разговоры моряков, а сегодня уже вез груз, за которым могут охотиться королевские корабли. Рядом находился Жак, который, как обычно, успевал одновременно следить за матросами, проверять крепление парусов и разговаривать,

потому что молчание было для него тяжелей любой работы, даже самой изнурительной.

Бецман посмотрел на горизонт, прищурившись от яркого солнца, и сказал:

— Хороший ветер, ровный и устойчивый, такой может продержаться два, а то и три дня, и если так пойдет, мы быстро дойдем до Генуи, не заходя ни в один промежуточный порт.

Капитан слегка покачал головой, потому что за долгие годы в море привык не доверять хорошей погоде больше, чем плохой.

— Если ветер слишком хорош в начале пути, значит, позже он обязательно испортится, потому что море не любит, когда человеку слишком долго везет, и рано или поздно напомнит ему, кто здесь настоящий хозяин.

Жак усмехнулся, почесав щетину, которая за несколько дней в море успела покрыть его щеки густым серебристым слоем.

— Ты всегда говоришь так, будто море живое, будто оно слышит твои слова и обижается на них, а потом мстит штормами и штилями.

— Оно и есть живое, — спокойно ответил капитан, не отрывая взгляда от горизонта, — просто люди этого не понимают, потому что привыкли считать живым только то, что ходит по земле, дышит воздухом и говорит словами, а море говорит ветром и волнами, и тот, кто умеет слушать, всегда

поймет, что оно хочет сказать.

Некоторое время они молчали, слушая, как ветер шумит в парусах, как скрипит корпус корабля, покачиваясь на волнах, и как где-то внизу, в трюме, плещется вода, просочившаяся сквозь обшивку, — тот негромкий, но постоянный звук, который сопровождает каждый корабль от первого дня плавания до последнего.

Затем Жак снова заговорил, уже тише, оглянувшись, чтобы убедиться, что матросы не слышат их разговора.

— Я все думаю про наш груз и не могу отделаться от мысли, что мы совершили ошибку, потому что золото — это понятно, за золотом гонятся, его можно потратить, спрятать, переплавить или закопать в землю, а за бумагами гонятся только тогда, когда эти бумаги могут кого-то уничтожить, лишит власти или выставить на позор перед всем миром.

Капитан повернул голову к нему и некоторое время молчал, обдумывая ответ, потому что знал: Жак говорит не из страха, а из опыта, накопленного за десятилетия плаваний, в которых он видел, как грузы меняли судьбы людей и целых городов.

— Я думаю так же, Жак, — сказал он, — и мне кажется, мы везем не просто бумаги, написанные чернилами на пергаменте, а чью-то власть, чьи-то долги и чьи-то тайны, записанные людьми, которые давно умерли, но чьи слова до сих пор способны разрушать королевства и возводить на трон новых королей.

Жак тяжело вздохнул, потому что понимал: капитан прав, и что от этого понимания не становится легче, а становится только тревожнее.

— Обычно такие дела заканчиваются либо большим заработком, либо большими неприятностями, а иногда и тем и другим сразу, и я бы предпочел первое без второго, хотя знаю, что в море редко получается выбирать.

Капитан усмехнулся, глядя, как нос корабля разрезает волну, поднимая белые брызги, которые ветер уносит прочь, словно маленькие облака.

— Моряк зарабатывает не тогда, когда море спокойно и ветер дует в спину, а тогда, когда он умеет пройти сквозь бурю и вывести корабль в тихую гавань, потому что только в этом и состоит настоящее мастерство.

Жак покачал головой, давно привыкнув к тому, что капитана невозможно переубедить, когда он уже принял решение.

— Когда-нибудь твоя уверенность в себе сыграет с тобой злую шутку, и тогда будет поздно вспоминать мои слова.

Капитан улыбнулся краем губ, глядя на бескрайнюю морскую гладь, которая простиралась перед ними во все стороны, не оставляя ни единого намека на сушу.

— У всех все заканчивается одинаково, Жак, потому что море рано или поздно забирает каждого, кто по нему ходит, и важно только одно: какая история остается после человека, когда его тело уже давно покоится на дне, а имя его помнят

только старые моряки в портовых тавернах.

Во второй половине дня, когда солнце уже начало клониться к западу и тени от мачт вытянулись по палубе длинными темными полосами, капитан спустился в трюм проверить груз, потому что хотел убедиться, что бочки не сдвинулись во время качки и что сырость не проникла внутрь. Там уже находился Гийом де Монтерран, осматривавший бочки одну за другой, проверяя обручи и проводя ладонью по дереву, словно пытаясь почувствовать через толстые стенки, целы ли документы, спрятанные внутри.

Капитан обвел взглядом груз, стоящий ровными рядами в полумраке трюма, освещенном лишь светом фонаря, который покачивался на крюке под потолком, отбрасывая на стены пляшущие тени.

— Все думаю, что может быть в этих бочках такого, что король готов отправить за нами корабли, рисковать людьми и тратить деньги, которых у него и так не хватает, и неужели груда старых книг и писем действительно стоит таких хлопот.

Гийом некоторое время молчал, словно подбирая слова, потому что не хотел говорить слишком много, но и не мог ответить ничего, потому что капитан имел право знать, ради чего он рискует своей жизнью и жизнью своей команды.

— В этих бочках лежат не книги, капитан, — наконец ответил он, — в них лежит память ордена, собранная за два столетия его существования: списки долгов, которые коро-

ли Франции, Англии и Арагона брали у тамплиеров и которые никогда не возвращали, договоры с папским престолом, подтверждающие независимость ордена, письма королей, в которых они просили о займах и клялись в вечной дружбе, тайные соглашения, о которых не знает ни один живой человек, кроме тех, кто их подписывал, имена людей, которые давали деньги ордену и брали деньги у ордена, и если все это станет известно, многие люди потеряют не только деньги, но и короны, потому что тот, кто не платит свои долги, не имеет права называться королем.

Капитан внимательно посмотрел на него, оценивая, насколько серьезны эти слова, и понял, что Гийом не преувеличивает, потому что в его голосе не было ни хвастовства, ни страха, а только усталая уверенность человека, который слишком долго хранил эту тайну и уже не может ее нести в одиночку.

— Значит, вы везете не архив, а оружие, — сказал он, — потому что то, что вы описали, способно разрушить не одну крепость, а целые королевства, и делает это не хуже, чем таран или осадная башня.

— Да, — спокойно ответил Гийом, — только это оружие сделано не из железа и дерева, а из бумаги и чернил, и потому оно опаснее любого меча, потому что меч можно сломать, а слово, записанное на пергаменте и скрепленное печатью, невозможно уничтожить, не уничтожив того, против кого оно направлено.

Капитан усмехнулся, потому что никогда не думал, что бумага может быть оружием, но теперь, стоя в полумраке трюма рядом с бочками, в которых лежала чья-то власть и чьи-то тайны, он начинал понимать, что мир устроен сложнее, чем ему казалось.

— И вы уверены, что никто из ваших людей не попытается продать это оружие тому, кто заплатит больше, потому что я видел достаточно людей, которые клялись в верности, а потом продавали своих братьев за мешок золота?

Гийом посмотрел ему прямо в глаза, и в его взгляде была та холодная решимость, которая бывает у людей, давно принявших решение и не собирающихся от него отступить.

— Именно поэтому мы наняли вас, капитан, потому что нам нужен человек, который не продает людей и не задает слишком много вопросов, и потому что ваш корабль — единственное место, где этот груз может быть в безопасности, пока мы не доберемся до берега.

Капитан усмехнулся шире, потому что ценил прямоту, даже когда она говорила о вещах неприятных.

— Я задаю вопросы, просто не всегда вслух, потому что некоторые ответы лучше узнавать самому, наблюдая за людьми и за тем, как они ведут себя, когда думают, что никто не смотрит.

Когда они поднялись на палубу, солнце уже опускалось к горизонту, окрашивая море в багровые и медные тона, и у борта стояла Изабель, смотревшая на воду с тем сосредото-

точенным вниманием, с каким смотрят люди, пытающиеся разгадать какую-то тайну, видимую только им одним. Ранее днем капитан видел, как она перевязывала руку одному из матросов, порезавшемуся о канат, и делала это спокойно, уверенно, без лишних слов, так, как делают люди, привыкшие видеть кровь и боль не в первый раз. Ветер трепал ее волосы, выбивая пряди из узла, и некоторое время она молчала, прежде чем повернуться к капитану.

— Море кажется спокойным, — сказала она, глядя на гладкую, словно отполированную поверхность воды, — но почему-то у меня чувство, что это ненадолго, потому что тишина перед бедой всегда бывает обманчивой.

Капитан облокотился на борт рядом с ней, чувствуя, как дерево под его ладонями слегка вибрирует от движения корабля, разрезающего волны.

— Море всегда спокойно, пока не начинается шторм, и люди тоже спокойны, пока не начинается беда, потому что и море, и люди устроены одинаково: они молчат, пока могут молчать, а потом обрушивают все, что накопили, с такой силой, что ничего не остается на месте.

Она посмотрела на него, и в ее взгляде читался вопрос, который она долго не решалась задать.

— Вы много лет ходите по морю и, наверное, видели много всего, что обычным людям даже не снится, и я хотела спросить: вы умеете чувствовать опасность заранее, до того, как она покажется на горизонте?

Капитан немного подумал, прежде чем ответить, потому что не хотел говорить ни слишком много, ни слишком мало.

— Я не чувствую опасность, потому что опасность нельзя почувствовать, как нельзя почувствовать запах ветра или цвет неба, я просто знаю, что она всегда где-то рядом, потому что в море опасность — это не шторм и не скалы, шторм видно заранее по облакам, а скалы отмечены на картах, настоящая опасность — это люди, потому что они непредсказуемы, они меняют решения, предают и лгут, и именно поэтому их нельзя предугадать.

Изабель тихо ответила, и в ее голосе прозвучала та горечь, которая бывает у людей, слишком рано узнавших, как устроен мир.

— Я тоже так думаю, потому что люди опаснее моря, и я убедилась в этом еще до того, как впервые увидела море, потому что выросла среди людей, которые улыбались друг другу за столом, а потом травили друг друга ядом.

Капитан ничего не сказал, лишь внимательно посмотрел на нее, понимая, что за этими словами скрывается история, которую она еще не готова рассказать, но которую, возможно, расскажет позже, когда доверие между ними станет крепче.

Вечером команда собралась ужинать на палубе, потому что в трюме было тесно и душно, а на открытом воздухе, под звездами, еда казалась вкуснее, а вино — мягче. Матросы ели соленое мясо и сухари, запивая вином, и разговоры по-

степенно становились все громче, потому что усталость первого дня сменилась расслабленностью, которая всегда приходит, когда корабль идет ровно и ветер не требует лишней работы. Один из молодых матросов, Пьер, недавно принятый в команду, сидевший рядом с Жаком, набрался смелости и спросил:

— Скажите, Жак, а правда, что на борту есть рыцари, за которыми охотится король, потому что я слышал разговоры в порту и видел, как люди в темных плащах грузили тяжелые сундуки?

Жак строго посмотрел на него, и в его взгляде было столько предупреждения, что любой опытный матрос сразу бы замолчал, но Пьер был молод и еще не научился понимать, когда нужно закрыть рот.

— На борту есть пассажиры, которые заплатили за плавание, — сказал Жак, — и все остальное тебя не касается, потому что матросу не нужно знать, кого он везет, ему нужно знать, какой парус ставить и какой канат тянуть.

Но парень не отступал, потому что молодость редко умеет отступать.

— А если за нами будут гнаться корабли, нам хотя бы скажут, чтобы мы знали, чего ожидать?

Жак усмехнулся, потому что помнил себя в том же возрасте, таким же любопытным и таким же глупым.

— Если за нами будут гнаться корабли, ты сам все увидишь, потому что паруса на горизонте не нужно объяснять,

они говорят сами за себя, и тут никакие объяснения не понадобятся.

Капитан, услышав разговор, подошел ближе, потому что понимал: если не ответить сейчас, разговоры не прекратятся, а только станут громче и опаснее.

— Запомните одну вещь, — сказал он, обводя взглядом команду, сидевшую на палубе при свете фонарей, — корабль — это маленький мир, замкнутый со всех сторон водой, и в этом мире каждый должен делать свое дело, не пытаясь делать чужое: матрос работает с парусами, боцман командует, плотник чинит корабль, капитан думает, и если матрос начнет думать за капитана, а капитан — тянуть канаты, корабль утонет, потому что каждый должен быть на своем месте.

Один из старых матросов, ходивший с Веларом уже много лет, одобрительно кивнул, потому что слышал эти слова не раз и знал, что они верны.

— Правильно говорит капитан, — сказал он, — в море лучше делать свое дело и не лезть в чужое, потому что море не прощает тех, кто отвлекается.

Капитан обвел взглядом команду, глядя в лица каждого, и увидел в одних глазах понимание, в других — скуку, а в третьих — тот скрытый страх, который люди пытаются спрятать за шутками и разговорами.

— И еще запомните, — сказал он, понизив голос, чтобы его слышали только те, кто сидел рядом, — самое опасное в море не шторм и не скалы, а страх, потому что когда лю-

ди начинают бояться, они перестают слушать приказы, начинают кричать, бегать и делать глупости, и именно поэтому на корабле нельзя бояться раньше времени, а нужно бояться только тогда, когда капитан скажет, что пора бояться.

Жак усмехнулся и добавил, обращаясь к матросам:

— Бояться надо тогда, когда капитан начинает молчать и долго смотреть на горизонт, вот тогда точно начинается что-то плохое, потому что когда капитан говорит — все нормально, а когда молчит — значит, он уже считает, сколько времени у нас осталось.

Матросы рассмеялись, и напряжение, копившееся весь день, немного отпустило, как всегда бывает, когда люди смеются над тем, чего боятся. Но капитан не ответил на шутку боцмана и не улыбнулся, потому что в этот самый момент он действительно смотрел на горизонт, на ту далекую линию, где небо встречалось с водой, и видел там то, что остальные еще не замечали: далеко на западе, почти у самой линии воды, едва различимую в угасающем свете заката, маленькую белую точку, которая не могла быть ни облаком, ни бликом солнца, потому что облака не двигаются против ветра, а солнце уже зашло, и это мог быть только один предмет — парус.

Он долго вглядывался вдаль, пытаясь понять, насколько далеко корабль и каким курсом он идет, а потом тихо сказал:

— Похоже, у нас появилась компания, и компания эта идет тем же курсом, что и мы, что само по себе уже не может

быть случайностью.

Жак прищурился, напрягая зрение, но сначала не увидел ничего, кроме темной линии горизонта.

— Торговец? — спросил он, потому что в этих водах торговые корабли были не редкостью.

Капитан медленно покачал головой, потому что за долгие годы научился отличать торговое судно от военного по тому, как оно держит курс, как ставит паруса и как движется относительно ветра.

— Торговцы не идут так быстро и не держат такой курс в открытом море, потому что торговцу нужно заходить в порты, менять направление, искать попутный ветер, а этот корабль идет прямо за нами, не отклоняясь ни на градус, и значит, он вышел из порта почти сразу после нас и знает, куда мы направляемся.

Жак некоторое время молчал, переваривая услышанное и понимая, что это означает: их тайна перестала быть тайной, по крайней мере, для тех, кто сейчас шел по их следу.

— Ну что ж, капитан, — сказал он, — похоже, наша история начинается раньше, чем мы думали, и те неприятности, о которых я предупреждал, уже не на горизонте, а совсем рядом.

Капитан продолжал смотреть на далекий парус, который постепенно исчезал в наступающей темноте, но от этого не становился менее реальным.

— Нет, Жак, — спокойно ответил он, — наша история

началась не сейчас, а в тот момент, когда мы погрузили первый сундук на борт, и с тех пор мы просто шли по дороге, которая была проложена задолго до нас, а сейчас начинается ее следующая глава, и какой она будет, зависит уже не от нас, а от ветра, от моря и от того корабля, который идет за нашей кормой.

ГЛАВА 4. Парус на горизонте

На следующий день после выхода в море ветер усилился настолько, что «Северный ветер» шел быстро, легко разрезая волны носом и оставляя за собой длинный белый след пены, который ветер тут же разрывал на клочья, унося их прочь, словно корабль спешил оставить за собой не только воду, но и саму память о том, что он здесь был. Корабль слегка кренился на левый борт, снасти тихо гудели, как струны невидимой арфы, а паруса были натянуты так туго, что казалось — еще немного, и они начнут трещать под напором ветра, но матросы не беспокоились, потому что хороший ветер для моряка — все равно что удача для игрока: пока он есть, нужно идти как можно дальше, не раздумывая и не оглядываясь назад.

Капитан стоял у штурвала, положив обе руки на дерево, отполированное ладонями рулевых за долгие годы плаваний. Он смотрел на горизонт, где небо сливалось с морем в одну бесконечную синюю линию, и думал о том, как странно устроена жизнь на корабле. Здесь, посреди открытого моря, где нет ни дорог, ни границ, ни стен, человек оказывается одновременно и свободнее, и зависимее, чем где-либо на земле: свобода его зависит от ветра, а зависимость — от того, кто этот ветер послал. Он редко говорил, когда корабль шел быстро, потому что в такие минуты капитан больше думает,

чем говорит, прислушиваясь к тому, как корпус корабля отзывается на каждую волну, как скрипят мачты, как натягиваются канаты, и по этим звукам узнает о судне больше, чем о любом человеке, которого ему доводилось знать.

Рядом стоял Жак, давно заметивший, что Велар уже несколько раз смотрел в одну и ту же сторону, на ту точку горизонта, где небо казалось чуть светлее, чем вокруг, и где, возможно, было что-то, что не мог увидеть никто, кроме капитана, потому что только он знал, на что именно нужно смотреть и как отличить одно от другого в этом бесконечном пространстве воды и неба. Наконец боцман прищурился и спросил:

— Ты уже третий раз туда смотришь за последний час, и каждый раз все дольше, так что, должно быть, ты увидел что-то такое, что стоит того, чтобы отвлечься от руля, а это с тобой случается редко.

Капитан не ответил сразу, продолжая вглядываться вдаль, и лишь через несколько мгновений, когда он окончательно убедился в том, что не ошибся, произнес:

— Парус, очень далеко, но он идет тем же курсом, что и мы, и это уже само по себе странно, потому что в открытом море корабли редко идут одинаковыми курсами, если только один из них не следует за другим.

Жак напряг зрение, но сперва ничего не увидел, кроме бесконечной синей глади и тонкой линии горизонта, и честно признался:

— Я ничего не вижу, кроме моря и неба, и, должно быть, у тебя глаза лучше, чем у меня, или ты знаешь какой-то секрет, как разглядеть то, чего еще не видно.

Капитан усмехнулся, не отрывая взгляда от горизонта.

— У капитана всегда должны быть лучшие глаза на корабле, потому что капитан видит не только то, что есть, но и то, что может появиться, и если он этого не умеет, он недолго будет капитаном, а будет либо мертвецом на дне, либо бывшим капитаном, который рассказывает байки в портовых тавернах.

Спустя некоторое время, когда солнце поднялось выше и свет стал резче, Жак тоже заметил на горизонте крошечную белую точку, которая то появлялась на гребне волны, то исчезала в ложбине, словно играла с ними в прятки.

— Вижу, — тихо сказал он, — но это может быть просто торговец, идущий в Геную или Неаполь, потому что в этих водах торговых кораблей больше, чем рыб в море.

Капитан медленно покачал головой, потому что за долгие годы научился отличать торговое судно от военного по тому, как оно держит курс, как ставит паруса и как ведет себя относительно ветра и течения.

— Торговец меняет курс, идет к берегу, к портам, к островам, останавливается, чтобы подобрать попутный ветер, а этот держит ту же скорость и тот же путь, что и мы, не отклоняясь ни на градус, и это значит только одно: он идет за нами, и идет не случайно, а по нашему следу.

Жак некоторое время молчал, переваривая услышанное, и чувствовал, как внутри поднимается то знакомое чувство, которое он знал с юности и которое всегда означало одно: спокойной жизни больше не будет.

— Думаешь, это уже за нами, а не просто совпало направление?

— Думаю, да, — ответил капитан, — и это слишком рано, чтобы быть случайностью, но все же это уже не просто подозрение, а факт, с которым нам придется считаться.

Жак посмотрел на натянутые паруса, на то, как нос корабля разрезает волну, и задал вопрос, который в этот момент волновал его больше всего.

— Мы быстрее?

— Пока да, — ответил капитан, — но если ветер переменится, если он ослабнет или, что хуже, если он перейдет на их сторону, все может измениться, потому что в море нет ничего постоянного, кроме перемен.

Некоторое время оба молча смотрели на далекий парус, который то появлялся, то исчезал, словно море само решало, показывать его им или нет, и каждый думал о своем: Жак — о том, как он устал от опасных рейсов и как хотел бы однажды просто дожить до старости в маленьком домике на берегу, а капитан — о том, что этот рейс уже перестал быть просто работой и превратился в нечто большее, в историю, которую он, возможно, расскажет когда-нибудь своим внукам, если у него будут внуки и если он доживет до того вре-

мени, когда можно будет рассказывать истории.

Потом Жак произнес то, что оба понимали, но что нужно было сказать вслух:

— Нужно сказать твоим пассажирам, потому что они имеют право знать, что за ними идет корабль, и что их путешествие, которое они считали почти законченным, только начинается по-настоящему.

Капитан кивнул, потому что не любил скрывать плохие новости от тех, кто платил ему за то, чтобы он их вез, и кто теперь зависел от его решений не меньше, чем его собственная команда.

— Да, пусть знают, что их путешествие начинается по-настоящему, и что то, что они считали опасностью, было лишь прелюдией к настоящей опасности.

Они спустились на корму, где стояли Гийом и двое других тамплиеров, те о чем-то негромко беседовали, глядя на море, но замолчали, когда подошел капитан, потому что по его лицу сразу поняли: он принес не хорошие новости.

Велар посмотрел на них и спокойно сказал, не скрывая ничего и не приукрашивая:

— У нас за кормой корабль, пока далеко, но он идет тем же курсом, что и мы, и это значит, что он не торговец и не случайный прохожий, а тот, кто знает, куда мы направляемся, и хочет нас догнать.

Гийом сразу спросил, и в его голосе слышалось то спокойствие, которое бывает у людей, давно ожидавших плохих но-

востей и потому не удивляющихся им.

— Торговец?

— Нет, — ответил капитан, — торговец не держит такой курс в открытом море, потому что торговцу нет смысла идти прямо за нами, когда он может свернуть в любой порт, этот корабль идет за нами, и идет целенаправленно.

Один из тамплиеров, высокий мужчина с шрамом через всю щеку, нахмурился и задал вопрос, который висел в воздухе с самого момента, как капитан произнес слово «корабль».

— Королевский корабль?

Капитан пожал плечами, потому что не хотел делать выводов, не имея достаточно информации, и потому что в море слишком легко ошибиться, приняв одно за другое.

— Пока слишком далеко, чтобы увидеть флаг, а флаг — это единственное, что может сказать нам, кто именно идет за нами, но если он идет за нами уже второй день и не сбивается с курса, значит, вышел из порта почти сразу после нас, а это значит, что тот, кто его послал, знал о нашем отплытии заранее.

Гийом помрачнел, и в его глазах промелькнуло то выражение, которое бывает у людей, понимающих, что их предали, и не знающих, кто именно это сделал.

— Значит, у короля хорошие шпионы, и они работают быстрее, чем мы думали.

Жак усмехнулся той усмешкой, которая бывает у людей,

давно переставших удивляться человеческой подлости.

— У короля всегда хорошие шпионы, особенно когда речь идет о деньгах, потому что деньги — это единственное, за чем короли следят внимательнее, чем за своими женами.

Капитан перевел взгляд на Гийома, и в его глазах был тот холодный вопрос, который он задавал всем, кому доверял свою жизнь и жизнь своей команды.

— Мне нужно знать одну вещь, и я прошу вас ответить честно, потому что от этого ответа зависит, что мы будем делать дальше: есть ли среди ваших людей тот, кто мог рассказать, куда вы направляетесь, не обязательно намеренно, может быть, просто проговорился в таверне или в порту.

Гийом твердо покачал головой, и в его голосе была та уверенность, которая бывает только у человека, долго знавшего тех, о ком он говорит.

— Нет, эти люди со мной много лет, мы прошли вместе через осады, битвы и предательства, и я доверяю им больше, чем самому себе, потому что знаю их лучше, чем себя.

Капитан спокойно ответил, потому что не хотел обвинять тех, кого еще не в чем не обвинил, но и не хотел закрывать глаза на очевидное.

— Тогда кто-то рассказал в Марселе, потому что больше некому, и это значит, что среди тех, кто видел вашу погрузку, был тот, кто понял, что вы везете, и продал эту информацию тому, кто заплатил больше.

Один из тамплиеров мрачно заметил, и в его голосе про-

звучала та горечь, которая бывает у людей, потерявших слишком много братьев по ордену.

— В Марселе достаточно людей, готовых продать любую тайну за несколько монет, потому что город большой, а совесть у его жителей маленькая.

Жак хмыкнул, потому что знал порты лучше, чем кто-либо, и потому что видел, как легко в них покупается и продается все, включая жизни.

— Или за обещание, что их не повесят, потому что не все продают за золото, некоторые продают за страх.

На некоторое время все замолчали, слушая, как ветер шумит в парусах и как волны бьются о борт корабля, и каждый думал о том, что их тайна перестала быть тайной, и что теперь они не просто везут груз, а бегут от тех, кто хочет этот груз отнять.

Потом капитан произнес то, что должен был сказать капитан в такой ситуации, потому что его дело было не паниковать, а действовать.

— Пока ничего страшного, пока ветер на нашей стороне, а он на нашей стороне, и это главное, но если он изменится, они начнут нас догонять, и тогда нам придется решать, драться или бежать, а я предпочитаю бежать, потому что драка в море — это всегда лотерея, а бегство — это искусство, и с этого момента команда работает быстрее, паруса меняются чаще, и ночью никаких огней, ни одного, даже самого маленького, потому что каждый огонь в ночи — это маяк для

того, кто идет за нами.

Гийом кивнул, потому что понимал: капитан говорит не для того, чтобы их напугать, а для того, чтобы подготовить к тому, что может случиться.

— Делайте все, что нужно, потому что этот корабль теперь наша единственная крепость, и если он падет, нам некуда будет отступать.

Капитан усмехнулся, потому что не любил, когда его корабль называли крепостью, хотя понимал, что в данной ситуации это сравнение было уместным.

— Крепость из дерева — плохая крепость, потому что дерево горит и тонет, но иногда она лучше, чем каменная тюрьма, в которой тебя ждут палачи и костер.

Вечером, когда солнце уже село и небо окрасилось в темно-синие и фиолетовые тона, а первые звезды начали появляться одна за другой, словно кто-то зажигал их по очереди, капитан снова стоял на палубе, глядя на море, которое в этом свете казалось не водой, а огромным темным зеркалом, в котором отражались звезды, и в этом отражении было что-то тревожное, словно море знало о том, что должно было случиться, и ждало этого с тем же спокойствием, с каким ждут неизбежного.

Рядом с ним появилась Изабель, и капитан сразу заметил, что она пришла не просто так, потому что за последние дни он научился отличать ее спокойные прогулки от тех моментов, когда ей нужно было о чем-то спросить или что-то ска-

зять. Некоторое время она смотрела на море, молча, и капитан не нарушал этого молчания, потому что понимал: есть слова, которые нужно выносить, как вино, прежде чем их произнести. Потом она тихо спросила:

— Все ведут себя спокойно, матросы шутят, Жак командует, как всегда, но я чувствую, что что-то случилось, потому что тишина на корабле бывает разной, и та тишина, которая сейчас на палубе, — это тишина перед бурей, а не тишина покоя.

Капитан повернулся к ней, и в его глазах она увидела то, что он редко показывал даже своим людям: усталость человека, который слишком долго нес слишком тяжелый груз и который понимал, что этот груз скоро станет еще тяжелее.

— У нас за кормой корабль, — сказал он, — и возможно, он идет за нами, хотя я не могу сказать этого с уверенностью, пока не увижу его флага, но одно я знаю точно: он не торговец, и это значит, что наше путешествие не будет таким спокойным, как мы надеялись.

Она помолчала, глядя на темную воду, и капитан увидел, как в ее глазах промелькнул страх, но она тут же его спрятала, потому что была из тех людей, которые не показывают страх, даже когда он подступает к горлу.

— И что это значит для нас?

— Это значит, — ответил капитан, — что наше путешествие будет не таким спокойным, как мы надеялись, и что нам придется либо убежать, либо драться, и я бы предпочел

первое, потому что второе означает, что кто-то из нас не дойдет до конца пути.

Она посмотрела на него внимательно, и в ее взгляде был вопрос, который она давно хотела задать, но не решалась.

— Вы боитесь?

Капитан немного подумал, прежде чем ответить, потому что не хотел ни лгать, ни говорить правду, которая могла бы ее напугать.

— Капитан не должен бояться, потому что страх капитана передается команде, как болезнь, и если капитан боится, команда боится вдвое сильнее, а если команда боится, корабль уже утонул, еще не войдя в воду, и поэтому капитан должен думать, а не бояться, бояться могут матросы, у них это в порядке вещей.

На ее губах появилась легкая улыбка, в которой было и облегчение, и легкая грусть, потому что она понимала, что он говорит не о страхе, а о том, что он не имеет права его показать.

— Значит, вы не боитесь.

— Я не боюсь, — ответил он, — но мне очень не нравится, когда за мной идут чужие корабли, потому что в море, как и в жизни, лучше быть одному, чем быть преследуемым.

Она отвела взгляд к горизонту, где теперь, в темноте, уже ничего не было видно, кроме звезд и темной линии воды.

— Думаю, это только начало, и то, что сейчас за нами идет один корабль, не значит, что завтра их не будет два или три.

Капитан медленно кивнул, потому что она угадала то, о чем он думал весь день, и что он не хотел говорить вслух, чтобы не пугать ни ее, ни себя.

— Я тоже так думаю, потому что тот, кто посылает за нами один корабль, пошлет и два, если первый не справится, и это значит, что нам нужно быть готовыми к тому, что погоня будет долгой.

В этот момент к ним подошел Жак, и по его лицу капитан сразу понял, что новости не из хороших, хотя и не такие плохие, как могли бы быть.

— Парус все еще за нами, — сказал он, — и, кажется, стал ближе, хотя это может быть обман зрения в ночной темноте.

Капитан снова посмотрел вдаль, туда, где в темноте уже ничего не было видно, но где он чувствовал присутствие чужого корабля так же ясно, как если бы видел его своими глазами.

— Тогда нам придется показать, на что способен «Северный ветер», потому что если мы не увеличим расстояние, к утру они будут настолько близко, что мы сможем разглядеть их паруса, а это значит, что они смогут разглядеть наши.

Жак широко усмехнулся той усмешкой, которая была ему свойственна в те моменты, когда опасность была уже близко, но еще не наступила.

— Я всегда говорил, что опасные рейсы — это наше призвание, потому что спокойные рейсы не для нас, а для тех, кто боится собственной тени.

Капитан посмотрел на паруса, на мачты, на черное море впереди, и подумал о том, что Жак прав, но что опасные рейсы имеют привычку заканчиваться там, где заканчиваются жизни тех, кто в них участвует.

— Опасные рейсы запоминаются, — тихо сказал он, — а такие люди помнят всю жизнь, и я бы предпочел, чтобы эта история запомнилась нам всем, но чтобы мы все дожили до того дня, когда сможем ее вспомнить.

Жак кивнул, потому что понимал, что капитан говорит не о памяти, а о жизни, и что жизнь в их профессии — это всегда вопрос удачи, мастерства и немного везения.

— Главное, чтобы жизнь после этого рейса у нас еще осталась, потому что мертвые не рассказывают историй, их рассказывают за них другие, и не всегда так, как было на самом деле.

Капитан усмехнулся, потому что ценил Жака за то, что тот всегда говорил то, что думал, и никогда не притворялся, что все хорошо, когда это было не так.

— Это уже зависит не только от нас, Жак, это зависит от ветра, от моря и от того корабля за нашей кормой, а также от того, насколько хорошо мы умеем делать свое дело, и я надеюсь, что мы умеем его делать достаточно хорошо, чтобы дожить до завтрашнего утра.

Он снова посмотрел на горизонт, где маленький белый парус, который теперь был уже не виден в темноте, медленно, но упрямо шел по их следу, и думал о том, что в этой погоне

есть что-то неизбежное, словно они оба — и они, и те, кто шел за ними, — были лишь фигурами в какой-то большой игре, правила которой были написаны задолго до того, как они родились, и которые они не могли изменить, сколько бы ни старались.

И теперь уже никто на корабле не сомневался, что за ними действительно началась охота, и что эта охота закончится либо тем, что они уйдут, либо тем, что их догонят, и что между этими двумя возможностями нет ничего, кроме ветра, моря и их собственного мастерства, которое скоро будет проверено так, как никогда не проверялось раньше.

ГЛАВА 5. Погоня

Утро выдалось ясным и ветреным, таким, какие бывают только в открытом море, когда небо кажется выше, а солнце ярче, чем на суше, и «Северный ветер» шел быстро, легко наклоняясь на волну и вновь поднимаясь, словно живое существо, которому само движение доставляло удовольствие, потому что корабль, как и человек, лучше всего чувствует себя тогда, когда он в пути, когда ветер наполняет паруса, а киль разрезает воду, оставляя за собой длинный белый след пены, который быстро рассеивается и исчезает, словно его никогда и не было. Паруса были туго натянуты, канаты тихо гудели, как струны невидимой арфы, и корабль уверенно держал курс на восток, подставляя борт волне так, что та разбивалась о него с глухим, ровным стуком, который моряки считают самым приятным звуком на свете, потому что он означает, что судно идет правильно и ветер дует туда, куда нужно.

Но настроение на борту изменилось с того самого мгновения, как на горизонте появился чужой парус, и теперь, даже при хорошем ветре и ровном ходе, на палубе царило то особенное напряжение, которое бывает только тогда, когда люди знают, что за ними следят, но еще не знают, насколько близко опасность и когда она настигнет их. Матросы все чаще оглядывались назад, делая вид, что проверяют снасти

или смотрят на облака, но каждый понимал, что на самом деле они смотрят туда, где вчера вечером была видна та маленькая белая точка, которая с каждым часом становилась все ближе и все реальнее. Боцман Жак поднимался на корму чаще, чем обычно, и подолгу смотрел в подзорную трубу, которую он держал так, словно это был не просто кусок стекла в медной оправе, а единственный инструмент, способный сказать им, сколько времени у них осталось до встречи с теми, кто шел за ними.

Капитан стоял у руля, положив руку на гладкое дерево штурвала, и чувствовал, как корабль отзывается на каждую волну, как он слегка вздрагивает, когда нос натывается на встречную волну, и как он снова разгоняется, соскальзывая с ее гребня, и в этом ритме было что-то успокаивающее, словно само море говорило ему, что все идет так, как должно, и что пока корабль слушается руля, пока паруса наполнены ветром, пока киль режет воду, ничего непоправимого еще не случилось. Когда к нему подошел Жак, капитан не обернулся сразу, потому что по шагам боцмана понял, что тот принес не хорошие новости, и ему нужно было еще мгновение, чтобы собраться с мыслями и подготовить лицо, которое не должно было выдавать ни тревоги, ни страха, потому что капитан, как и корабль, должен идти ровно, даже когда внутри все идет наперекосяк.

Некоторое время боцман молча смотрел вдаль, прищурившись от яркого солнца, которое стояло теперь высоко и

нещадно светило в глаза, мешая разглядеть то, что было на горизонте, а потом произнес голосом, в котором слышалось то спокойствие, что бывает у людей, давно привыкших к плохим новостям:

— Он стал ближе, теперь уже точно видно, что это не торговец, потому что торговец не идет таким ровным курсом и не держит все паруса одновременно, а этот идет прямо на нас, словно знает, куда мы направляемся, и не собирается сворачивать.

Капитан взял трубу, которую Жак протянул ему, и долго всматривался вдаль, поворачивая ее так, чтобы поймать нужный угол, и наконец увидел то, что уже почти угадал по одному лишь силуэту: длинный низкий корпус, три высокие мачты, множество парусов, поставленных так, чтобы использовать каждый порыв ветра, и на носу — то, что могло быть либо украшением, либо пушкой, развернутой прямо по курсу.

— Да, — сказал он, возвращая трубу Жаку, — он идет легче, чем торговое судно, и парусов у него больше, чем нужно для торговли, а значит, это либо военный корабль, либо быстрое охотничье судно, нанятое теми, кому нужно догнать кого-то, кто не хочет быть догнанным, и в обоих случаях это значит одно и то же: нам не поздоровится при встрече с ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.